

РЕЛИГИОЗНАЯ СИМВОЛИКА «СТРАШНОГО СУДА» И ЭСХАТОЛОГИЧЕСКИЕ КОНТЕКСТЫ ПОВСЕДНЕВНОСТИ

Религиозное сознание принципиально раздваивает сущее на ряд бытийный антиномий, ключевой среди которых оказывается диалектическая оппозиция запредельного в своей «потусторонности» Творца и, парадоксально обусловленного им, «посюстороннего» тварного мира.

В этой связи, сквозной проблемой религиозных (и не только религиозных) умозрений оказывается тема органичного разрешения противоречия «трансцендентного и имманентного», увязки (божественных) «замыслов» и их (земного) «исполнения».

Одним из примеров подобного преодоления антиномии Творца и твари выступает христианское «таинство причастия», в процессе литургического свершения которого человек воссоединяется с Богом, приобщаясь к нему посредством символической онтологии жертвенной трапезы его «тела и крови». Бог, при этом (*как бы*), становится имманентным человеку, и, отныне «изнутри», оплодотворяет человека собственными трансцендентными смыслами и интенциями.

В контексте же исторически развертываемого приобщения человека и человечества к софийным истокам бытия, фундаментальным архетипом религиозного мировоззрения оказывается метафора «Страшного суда». Дан-

ное «пограничное событие», в реестре божественных предопределений, играет исключительную смыслопорождающую роль, ибо оказывается идейной матрицей целого веера «символических посланий» человеческому бытию.

Прежде всего, экзистенциально драматизируется бытийная коллизия жизни и смерти, временности и Вечности. Человеку «открываются глаза» на то «страшное» обстоятельство, что он не просто «однажды умрет», но что он «смертен всегда», каждое мгновение своего бытия. Человек «подсуден» собственной временности, которая ни на секунду не отпускает его из своих онтологических объятий. Следовательно, у человека отнята возможность роскоши жить «завтрашним днем», т.к. само вождевленное «завтра» ему не гарантировано.

Параллельно возникает тема «человеческого предназначения», человеческой «миссии» в бытии. Вопрос теперь поставлен ребром: если человек временен и вместе с тем «неслучаен», если «мир без него неполон» и более того «немыслим»... самим Творцом(!?), тогда повседневная жизнь превращается в латентно протекающее «судебное заседание», где человек оказывается одновременно и «свидетелем» (собственных поступков и намерений), и «подсудимым» (перед лицом подлинных божественных первосмыслов должного бытия).

На «Страшном суде» человек (всего лишь) узнает, смог ли он, в ходе своего культурно-исторического бытийствования, ИСПОЛНИТЬ себя, в качестве «божественного замысла... о нем». Страшный суд выступает только завершающей экспликацией того, что – *до времени и во времени* – знаменовалось самим человеческим бытием.

Но, в таком случае, особый категориальный статус приобретает смылообраз «свидетельства» и трансграничная ему метафора «свидетельствования». В силу того, что «перед лицом» Страшного суда (Бога, времени и Вечности) и вытекающих из него онтологических последствий (ада или рая), человек должен поступать так, чтобы **каждым своим** (потенциально финальным) *жизнедействием решать целый ряд (фактически) эсхатологических задач.*

Во-первых, свидетельствовать об исполнении своего (предустановленного Творцом) бытийного предназначения. И тем самым, претендовать на личное спасение. Жить так, *как если бы* предстояло «умереть сейчас»!

Во-вторых, говоря языком русской религиозной философии, решать богочеловеческую «головоломку ада», заключающуюся в том, что сама возможность ада, как особой «онтологической Вечности», косвенно умаляет Творца, превращая его искупительную жертву в жест «ограниченного торжества» над злом. В торжество «избранных», и поражение самой идеи «спасения (через жертву) всех». Ибо даже одна «заблудшая душа», попавшая в ад, свидетельствует лишь о частичном успехе. А значит и сама «победа» Творца оказывается (не божественно) относительной.

Следовательно, (каждому!) человеку (всю жизнь) предстоит эсхатологическая, по своим масштабам, сверхзадача «спасения всех». Спасения посредством, своего рода, *поступков-молитв*, «побуждающих Творца» пересмотреть библейскую дилемму ада и рая и «помиловать (всех) грешников»,

в знак признания абсолютности человеческих усилий по «творчеству Должных смыслов бытия».

Однако, при такой реинтерпретации эсхатологической мифопоэтики, приходится радикально расширять ее тематический арсенал, вовлекая в обсуждение проблему антроподицейных ресурсов человеческого присутствия в бытии.

Оставаясь концепцией «конца времен», эсхатология наполняется чело-векоразмерными атрибутами. Выражаясь кантовски, она превращается, из конститутивной идеи в регулятивную. И для Бога(!), и для человека(!). Для Бога – как Творца, продолжающего (и бесконечно длящего) Творение. Для человека – как сотворца Творца, демонстрирующего потенциал вечного (выведения за скобки) самой необходимости апокалиптических катастроф «зав-вершения Истории».

К числу же основополагающих условий преодоления онтологических и экзистенциальных «пропастей ада» (временности, смертности, случайности, одиночества, абсурда бессмысленности и др.) можно отнести бескорыстное служение Святыням, Любовь и мужественную готовность нести бремя ответственности за право свободно самоопределяться в творческих возможностях бытия.

Бескорыстное служение Святыням, в свое время было прекрасно сформулировано Августином, призывавшим «радоваться Богу, но не пользоваться им...». Бескорыстие эсхатологично, как образец служения «должному» не «по (эстетической) склонности (каприза)», а «из (этически вдохновленного) благоговения» перед мощью трансцендентных запросов человеческого духа.

Любовь эсхатологична, в силу своей способности быть образцом «совершенства в несовершенном мире», спасти мир от эрозий зависти, ненависти, злорадства, мести, корысти. Любят не потому что «ждут взаимности», а потому «что не могут не любить», потому что «через Любовь» постигают очарования Иного, изживают самоубийственные соблазны «оккупации Свободы Другого».

Наконец, *благодаря творчеству Иного*, креативному «размножению» уникальных воплощений собственного «Я», человек *приобщается к таинствам божественной алхимии надления смыслами окружающего мира*. Вместе с тем, он постигает и сложное искусство «быть Автором своего бытия». Дело в том, что само рождение человека (и в религиозной и в светской редакции) выглядит достаточно обескураживающим. Оно, попросту говоря, не является «собственностью» самого человека, «отобрано» у него. Человек предстает либо «заброшенным в бытие по воле случая», либо «посланным небес». И там и там – он не самобытен и не самостоятелен.

Творчество эсхатологично в этом контексте в силу того, что позволяет человеку «быть причиной самого себя». Оно вырывает человеческое существо из бездн дьявольских разочарований от столкновения с обыденностью плагиата стереотипов, искушений безличного существования, скуки пассивного ожидания «часа икс» в темпоральных недрах испаряющегося бытия.

Таким образом, в контексте творческого священнодействия со смыслами и артефактами бытия; посредством преклоненной и бескорыстной Любви ко всему и всем; через сущностную захваченность «эсхатологией» каж-

дого кванта времени, как «подвижного образа Вечности», человек бесконечно отодвигает границы «конца времен», помогает себе и бытию Вечно «начинать Быть»!